

Новогодний диагноз

Князькова Нина

Annotation

Что делать, когда ты боишься отношений? Переступить через себя. Как поступить, если рядом находится достойный мужчина? Не сопротивляться. Но так ли это легко, как кажется? Жизнь все расставит по своим местам и поставит свой диагноз.

— А мама мне месяц назад сковородку подарила. Хорошую такую, чугунную. — Рассказывала молодая женщина, сидя в уютном кресле, напротив меня. Я сделала участливый взгляд и уверенно кивнула ей, типа, продолжай. — А Вовка, он почти не пьет, но как выпьет, так буйный становится. И вот неделю назад приходит в час ночи пьяный, зашел на кухню, я там чай пила, и давай кричать на меня. А за стенкой дети спят. Ну, я и двинула ему этой сковородкой по голове. Он упал. Полежал минут пять, потом молча встал и ушел спать. Вот. Я утром просыпаюсь, завтрак приготовлен, собака выгуляна, дети заняты. А он ходит, улыбается, ластится и молчит. Неделю уже как. Тут зарплату получил и всю ее мне принес. Представляете, Алевтина Анатольевна? И все это молча и без просьб. И цветы принес. — Девушка подняла на меня глаза, — а может у него любовница завелась а?

Я покачала головой. Ну, какая любовница? Ему и тебя выше крыши хватает.

— Не думаю, Елизавета. Это не похоже на поведение мужчины, пренебрегающего семьей. Мой вам совет, сейчас я вам дам номер хорошего врача-невролога. И на всякий случай травматолога. Сводите мужа к ним. И сами сходите, а уж после ко мне, милости просим. Будем налаживать между вами контакты.

Я быстренько написала номера телефонов специалистов и отдала клиентке. Та, распрощавшись, ушла. А у меня еще осталось время на чай, перед следующим пациентом. Попивая ароматный чаек, я задумалась. Вот этой пациентке двадцать пять лет, уже двое детей и муж. А мне в мои двадцать восемь, похоже, такая жизнь уже не светит. Я вздохнула. Родить ребенка для себя что ли? Так надо генофонд хороший, а где его возьмешь? Хотя, если порыться, найти можно. Но вот этот самый носитель благородных генов вряд ли захочет, чтобы его ребенок рос вне его поля зрения. А официальные отношения с мужчиной меня не прельщают, насмотрелась я, благодаря своей профессии, на такой вид отношений. Да и вообще, трудности у меня с доверием. Папа маму бросил, когда меня еще на свете не было. Мама умерла два года назад, сердце не выдержало, и больше никого не осталось. И почему никто не задумывается о том, что психологи — это сами травмированные люди. Просто лечить их некому, кроме себя.

Я снова тяжело вздохнула и полезла в записную книжку, лицезреть, какого психа мне сейчас судьба подбросит. Черт. Токарев Константин. Тридцать шесть лет от роду. Холост. В принципе на роль отца моего будущего ребенка подошел бы, если бы не одно но. В данное время он является личным телохранителем Лены Коробовой, моей лучшей подруги, и о моей возможной беременности легко узнает.

Да и бесит он меня. Еще с Ленкиной свадьбы, когда подсел ко мне, ни здрасьте, ни до свидания, а сразу спросил: «Переспим?». На что я его, конечно же, послала пешим эротическим туром в неведомые дали. Но по указанному адресу мужик идти не пожелал и начал потихоньку выносить мне мозг. Для начала, при каждом посещении Ленки меня любимой, он все время маячил рядом. Будь то кафе, или моя квартира. Он даже по магазинам с нами ходил, проверяя при этом даже примерочные кабинки, в том числе и во время примерки мной нарядов. Но на этом телохранитель подруги не остановился. Он записался, на еженедельное посещение моего кабинета на два часа, и теперь каждую субботу приходит в мой кабинет, молча ложится на кушетку и засыпает, просыпается через два часа и

уходит в ему одному известном направлении. Иногда, видимо, когда не спится, два часа лежит и тихонько что-то напевает. И потом мне самой под это мурлыканье хочется уснуть. Время уже — середина ноября, а мужик все никак не успокоится.

Мои мысли прервал стук в дверь и в кабинет вошел предмет моих размышлений. Как всегда черные брюки, рубашка белая, коротко стриженные русые волосы, внимательные карие глаза с золотистым отливом, легкая усмешка на жестких губах. Вошел, привычно обвел кабинет изучающим взглядом. Как будто за девять с половиной месяцев не изучил здесь все. Молча кивнул мне, и отправился на удобную софу, рядом с окном. Улегся, уставился взглядом в потолок. Значит, петь будет.

Я удобнее устроилась в кресле, и приготовилась внимать его сегодняшнему репертуару. Токарев что-то помурлыкал для разминки и затянул то, от чего я тут же подавилась чаем. Он запел песню Mylene Farmer «California». Уж не знаю, чего он добивался, но чуть хриловатый грудной мужской голос, поющий на французском, заставил покрыться мурашками даже пятки. Вот блин. Я уже начала всерьез подумывать, о своем сумасбродном плане. По крайней мере, секс с ним должен быть приятным.

Я прокашлялась, посмотрела на профиль поющего мужчины. За столько месяцев его лицо я изучила вдоль и поперек, потому что когда он засыпал, то всегда поворачивал голову в мою сторону, позволяя себя рассматривать. Да и тело, обтянутое тонкой тканью рубашки, не осталось для меня загадкой. Сильное, жилистое, гибкое. Двигается, как кошка на водопое.

Я моргнула, понимая, что давно этого не делала, еще раз прокашлялась и решила.

— Ммм, Константин. — Его голос стал на два тона тише, но петь он не прекратил. Видимо, дал понять, что готов внимать, но, что бы я ни сказала, его это не будет сильно волновать. Я решила не тянуть лошадь за гриву и выдохнула. — Переспим?

Токарев замолчал, резко принял положение сидя, и подозрительно уставился на меня. Видимо, я смогла его удивить. Я решила все тут же прояснить:

— На нейтральной территории, один раз, через неделю. — Озвучила я, припомнив, когда у меня там самые удачные для зачатия дни.

Взгляд Константина менее подозрительным не стал.

— Почему? — Мужчина прочистил горло. — Почему именно сейчас?

Я хмыкнула:

— Ну, считай, что ты меня допек, и я сдалась на волю победителю, — я попыталась кокетливо пожать плечами и похлопать ресницами. Почувствовала, что похожа на дуру и прекратила это занятие.

На меня хмуро посмотрели.

— Что-то не похоже на то, что ты сдалась. Дело в другом. Только не понятно для чего тебе это все нужно?

Я делано удивилась:

— Для чего нужно переспать? Например, для того, чтобы ты от меня отстал, и не отсвечивал своей мордуленцией у меня в кабинете каждую неделю.

Костя прищурился и расплылся в довольной улыбке.

— Ладно, назначай время и место.

Я задумалась и выдала:

— В следующую субботу в восемь вечера на Лениной старой квартире. Устроит. — Мужчина кивнул. — Никаких цветов и романтики. Встретились, переспали, разбежались. И вообще до субботы не являйся на глаза мои.

— То есть, если я правильно тебя понял, — мужчина поднялся с софы и переместил свою двухметровую тушку ближе ко мне, — то эту неделю я тебя не трогаю, в субботу встречаемся, у нас случается интим, и на этом мы расходимся в разные стороны.

Я согласно кивнула. Токарев хмыкнул, и направился на выход, остановился у двери.

— Через неделю в восемь в квартире. Буду ждать с нетерпением, — последние слова сказал громким шепотом, гад такой, и захлопнул дверь с другой стороны.

Я тут же схватила телефон и набрала номер:

— Алло, Лен? Ты как?

— Привет, Аль, не знаю. Еще больше месяца до родов, не знаю, как доживу. Вадька вокруг меня круги нарезает, чтоб на меня никто чихнуть не смел. Охрана в повышенной готовности. Свекр со свекровью дышать боятся. Мы даже на улице всей толпой теперь гуляем по часам. Как в тюрьме ей богу. — В трубке послышалось недовольное сопение. — Да не хочу я твой долбаный сок! — это не в трубку. — Аль, ты хотела чего-то? А то меня мой опять доставать начал.

— Э, да. Слушай, одолжишь свою квартирку на вечерок? Через недельку?

Ленка хмыкнула:

— Что, мужика завела, а домой тащить не хочется? Конечно, пользуйся на здоровье. Белье постельное только смени после утех своих. — В трубке послышался мужской голос, и Ленка быстро пробормотала, — Ладно, Аль, пока. А то мои надзиратели не отстанут, пока я этот сок не выпью. Коробов, твою налево, да не хочу я есть, чего ты мне тут притащил!

Я быстренько попрощалась и прервала звонок. Мда, у Коробовых, как всегда, веселуха. Мне бы так. Вадим на Ленку надыхаться не может. Скоро год, как вместе, а все никак не успокоится.

Так, ладно, Самойлова. Пора домой двигать. И начинать готовиться к субботнему randevu.

В выходные я «чистила перышки» и искала подходящее ситуации нижнее белье. Нашла. Шикарный красный комплект с ажурными вставками. С виду вроде все простенько, но на теле смотрелся очень заманчиво. Стоило это дело треть моей зарплаты, но чем только не пожертвуешь ради благого дела. Еще купила одноразовые простыни (я ленива в плане быта, и стирать простыни после одноразового секса не намерена). Даже сходила к Василинке на массаж всей меня, вдруг, где целлюлит вылез.

В понедельник, как и в последующие дни, все было по расписанию. А в субботу... в субботу произошло то, что вообще поставило мое существование под угрозу.

На часах был час дня, я только что закончила прием пациента с легкой формой депрессии. На сегодня у меня значилась еще одна пациентка, которая выкупила время до конца рабочего дня. Я еще решила, что, слава богу, Токарев прекратил ко мне приходить. Проигнорировала легкий укол сожаления. Черт, все-таки умудрилась привыкнуть к своему постоянному клиенту.

После легкого стука дверь моего кабинета отворилась и в кабинет вплыла невысокая девушка лет двадцати. Немного зашуганная, хотя видно, что одета очень хорошо, дорогие украшения, брендовая одежда, темные волосы стильно уложены.

Девушка проплыла мимо меня и уселась в кресло напротив. Ну что ж, это значит, что проблема очень серьезная. Я слегка выпрямилась в кресле, приготовившись слушать.

— Здравствуйте, — звонко отчеканила девушка.

— Добрый день, — согласилась я. И краем глаза заглянула в ежедневник. Так, Евдокия

Вольских. Какая-то знакомая фамилия. Ладно, с этим потом разберемся.

Девушка больше ничего не сказала, молча рассматривая меня минут пятнадцать. Неужели так два часа будет. Прямо Токарев в женском облике. Блин, все мысли сегодня почему-то сводятся к этому мужчине.

Я резко трянула головой, пытаюсь избавиться от навязчивой мысли, чем, видимо, вывела клиентку из молчаливого ступора. Она выдала:

— Меня зовут Евдокия. В девичестве Юдина. Мне девятнадцать лет. — Девушка, опустила глаза и стала рассматривать паркет. Через минуту она продолжила. — Полгода назад я вышла замуж за Артема Вольских. И все бы хорошо но... — Евдокия шумно выдохнула, — понимаете... Я его боюсь.

Я постаралась говорить ровно и спокойно:

— И в чем же заключается ваш страх?

Девушка зажмурила глаза и выдала:

— Я боюсь заниматься с ним сексом.

Я опешила, но умудрилась не показать этого. Понимающе кивнула:

— У вас с мужем была уже близость?

Брюнетка отрицательно качнула головой.

— То есть, вы замужем полгода, но интимных отношений с мужем нет? А хоть с кем-то они были.

Девушка опять отрицательно покачала головой.

— Понимаете. Мы с ним обнимаемся, целуемся, и при этом все нормально. Но как только это все начинает происходить в спальне, так все. На меня накатывает паника, я начинаю отбиваться от Тёмы. Один раз даже лампой ему бровь рассекла. А у него такие брови красивые. — Евдокия всхлипнула.

Я тут же достала бумажные платочки и протянула ей. Она благодарно взяла один и шумно высморкалась.

— Я люблю мужа, — прошептала она. — Очень люблю. Я не хочу, чтоб ему плохо было. А ему со мной плохо. Но как только я начинаю говорить о разводе, он сразу злится и начинает меня уговаривать, что все хорошо, что не оставит меня. Что любит меня и ему никто больше не нужен. Но я же вижу, что ему плохо.

Что бы предотвратить истерику мне пришлось пообещать то, что сделать будет очень трудно:

— Я смогу вам помочь. Мы с вами выясним природу этого страха, и попытаемся максимально нейтрализовать факторы, влияющие на его появление. — Я мягко улыбнулась. — Мне нужно будет поговорить с вашим мужем, и еще составьте, пожалуйста, список того, что может вызвать ваш страх. Ну, или хотя бы неприятные ощущения. Это будет вашим домашним заданием. — Евдокия с надеждой посмотрела на меня и энергично закивала. — Когда я могу поговорить с вашим мужем?

— Ой, — встрепенулась девушка, — я сейчас его позову, он в приемной.

Она резво подскочила к двери, выглянула и позвала:

— Темочка, Алевтина Анатольевна хочет с тобой поговорить.

Дверь открылась шире, и передо мной предстал светловолосый мужчина лет тридцати пяти. Солидный такой. Я тут же вспомнила кто это. Это владелец того автосалона, где я свою Тойоту Ярис покупала больше года назад. Артем Вольских владел сетью автосалонов и сервисных центров не только по нашему городу, но и в близ лежащих регионах.

— Здравствуйте, — с такими людьми нужно быть максимально вежливой.

Мне молча кивнули в ответ, затем мужчина обратился к своей жене:

— Дусечка, милая, подожди, пожалуйста, в приемной. Я быстро. — Сказано это было с таким трепетом, что мне от умиления плакать захотелось. Дуся, улыбнувшись, кивнула, вышла из кабинета и прикрыла за собой дверь. И... умиляться я враз забыла как.

— Слышь, ты, психолодша, если ты вздумаешь хоть как-то навредить моей жене, или рассказать про нее хоть кому-то, я всю твою семью до седьмого колена вырежу... — Вольских прошипел это все в одной тональности. Видимо, чтоб жена не услышала.

— Не вырежете, — уверенно перебила я его.

— Чего это? — удивился он.

— Некого вырезать. — Я спокойно улыбнулась, — но вместо угроз мы можем поговорить с вами о вашей немотивированной агрессии и о решении проблем с женой.

В отличие от Евдокии, я его не боялась. Ну не внушал он мне страх. Вот Ленкин Вадим, тот иногда так глянет, что бежать хочется, не разбирая дороги. А этот не внушал такого страха. Скорее обоснованное опасение.

— У меня нет проблем с женой, — рыкнул оппонент.

— Конечно, нет, — согласилась я. — Это у вашей жены проблемы с вами. Я бы хотела поговорить о тех ситуациях, которые приводят ее к эмоционально нестабильному состоянию. Расскажите мне, пожалуйста, для примера об одной.

Артем слегка смутился, походил по кабинету, сел в кресло и выдал:

— Две недели назад Дуся вышла из душа в одном халате. Я понимаю, что она боится меня, но в тот момент просто тормоза отказали. Я ее поцеловал, и как-то так получилось, что очнулся я уже на кровати, Дуся без халата с закрытыми глазами. И не боится. Такое первый раз было, чтоб он не боялась. Я и продолжил, и все было хорошо, пока она глаза не открыла. Потом закричала и съежилась подо мной в комочек. Я не знаю, что делать. — Мужчина снова поднялся на ноги, и забегал по кабинету. — Я не понимаю, Дуся не боится меня, пока дело не доходит до спальни.

Я участливо посмотрела на Вольских. Мужик явно был глубоко в депрессии по этому поводу.

— Вы говорите, что с закрытыми глазами она вас не боялась. Попробуйте, пожалуйста, близость при выключенном свете. Или с завязанными глазами. И проследите, что именно вызывает в вашей жене отрицательные эмоции. Так или иначе, я жду вас через неделю в это же время с вашими наблюдениями. И мы попробуем разобраться с вашей проблемой, как можно быстрее.

Мужчина молча кивнул и вышел из кабинета. Я перевела дух. Через минуту дверь приоткрылась и ко мне заглянула Катя, моя администратор.

— Аль, прикинь, у Вольских два охранника близнеца. Такие классные. Один, пока вы тут беседовали, мой телефон стрельнул и пригласил на свидание вечером. Кстати, клиенты еще придут?

Екатерина у нас особа, конечно, ветреная, но о работе никогда не забывает.

— Да, на следующую субботу на это же время запиши.

Катя согласно угукнула, и скрылась за дверью.

Я откинулась на спинку кресла, желая помедитировать, но расслабиться не получилось. Поэтому пришлось вставать и ехать домой. Дел еще была уйма. Нужно принять душ, накраситься, переодеться и доехать до маленькой квартирки, в которой сегодня назначено

рандеву.

В Ленкиной квартирке я была уже в семь вечера. Перестелила белье, поменяв хлопок на одноразовые простыни, приглушила освещение. Походила из угла в угол, понервничала. Пожалела, что нельзя тяпнуть горячительного для храбрости, все же мне нужен здоровый ребенок. Костя позвонил в домофон минута в минуту. Нажала на кнопку и открыла дверь.

Токарев протиснулся в открытую дверь. Окинул меня взглядом, и начал стягивать с себя пальто.

— Привет, любовь моя. — Как пить дать, паясничал.

Я только хмыкнула и прошла в единственную комнату. Расстегнула платье, благо застежка с боку, и потянула его вверх, но видимо чего-то не учла, потому как зацепилась этим самым замочком за сережку в левом ухе. Дернула. Блин, больно. Попыталась опустить платье вниз, тоже ничего не получилось. Рядом кто-то шумно и рвано выдохнул, послышались шаги, и мужские руки тихонечко начали отцеплять платье от уха.

— Решила сразу начать с ролевых игр? — Шепнул в непострадавшее ухо двухметровый гад, и провел рукой вдоль позвоночника.

— Нет, — пискнула я из-под платья. — Это я, чтоб тебя не видеть!

— Так давай глаза тебе нормально завяжем.

— Да иди ты. Лучше б помог.

Тихо хмыкнул, но платье все-таки стащил, оставив меня в чулках и белье. Судорожно вздохнул, без слов дернул меня к себе и прижался губами к шее. Тут вздохнуть пришлось уже мне. Тело непроизвольно выгнулось, прижавшись к мужскому сильнее.

— Черт, ты такая... — пробормотал Костя.

— Какая?

Он укусил мое плечо, зализал чуть покрасневшую кожу.

— Сладкая.

Я отстранилась, и потянула его за руку к расправленному дивану.

— Как в операционной, — хмыкнул он, кивнув головой на голубые простыни.

Я проигнорировала замечание, принявшись расстегивать рубашку на нем и поглаживая открывшееся взору поле деятельности. Костя глубоко задышал и резко дернул ремень брюк.

— Проказница, — я только хмыкнула, прижавшись грудью к его торсу, и опустила свои руки на его брюки, поглаживая самое уязвимое для таких ласк место. Он дернулся. — Знаешь, что мне хочется сейчас с тобой сделать? Как хочется? — Он впился в мои губы, опустил свои руки на мои вторые девяносто и притиснул к себе, приподняв меня над полом и зажав мои руки между нами. — Всю ночь. Чтоб не осталось ни одного миллиметра твоей кожи, не тронутой мной. Чтобы стонала в моих руках. До утра.

Блин, у меня от таких слов и действий мурашки по телу табунами строем заходили. Да и хотелка поднялась на такой уровень, до которого еще ни разу не доходила ни с одним мужчиной. Теперь уже я впилась в его губы со страшной жадью, умудрилась расстегнуть его ширинку и просунуть руки уже туда. Костя немного отстранился, достал из кармана конвертик из фольги. Пришлось выдернуть защиту от детей у него из рук.

— Ты здоров?

— Да, — выдохнул хрипло.

— Я на таблетках, — не моргнув глазом соврала я.

Меня тут же уронили на диван, сопровождая это неразборчивым матом, сдвинули белье и... В общем, обманул он меня. Не было никакого всю ночь. Максимум пара минут, я только

во вкус вошла. Потом лежала и думала, слушая его шумное дыхание на своей шее, может, это со мной что-то не так? Фригидная я какая-то. Ни с одним мужчиной расслабиться не могу. Ни один не доставил мне того наслаждения, про которое пишут в книгах и рассказывают подруги. Это все понятно, но Токарев, зато, побил мой личный рекорд по скорости получения собственного удовольствия.

— Прости, — шепнул мне на ухо мужчина, все еще лежащий на мне.

Я резко спихнула его с себя. Встала, нашла платье, и натянула на себя, благо белье осталось на мне. Константин сел на диване в недоумении глядя на меня.

— Аль, прости. Просто перевозбудился. Не уходи. Пять минут, и повторим еще раз. — В голосе мужчины действительно слышалось сожаление и какая-то обреченность.

— Не распинайся Токарев, — к нему я так и не повернулась. — Повторять ничего не будем. Это не стоило того, чтобы ждать столько времени. Простыни выбрось, дверь закрой, и ключи отдай Лене.

Я не глядя на него вышла в коридор, быстро натянула сапожки, накинула шубку, взялась за ручку входной двери.

— Аль! — Я обернулась. Костя стоял, натягивая рубашку, посреди коридора. — Не уезжай. — Я только покачала головой. — Тогда я отвезу.

Я только отмахнулась, открыла дверь и вышла. Сбежала по лестнице вниз, выскочила во двор. Благо первый этаж. Моя малышка была припаркована сразу у подъезда. Запрыгнула в машину и рванула, без прогрева двигателя, потому как забыла про автопрогрев нафиг.

В машине не позволила себе думать, сосредоточив свое внимание на дороге. И лишь выйдя из машины, увидела при въезде во двор огромный черный внедорожник Кости. Повела плечом и быстрым шагом ломанулась в свою квартиру, чувствуя там себя гораздо более защищенной.

Поднялась на лифте, зашла в квартиру включила свет в гостиной, ушла на кухню и прислонилась лбом к холодному стеклу, рассматривая черный Шевроле Тахо. Тот постоял еще минуту и резко сорвался с места. Вот тут я не выдержала и разрыдалась. Мне стало так себя жалко, так противно, что я такая. Что никто меня не любит, я никого не люблю, и никому я не нужна. Из друзей полторы подруги, кроме Ленки и Маринки и поговорить то не с кем. Все свои проблемы всегда решала сама, чтобы маму еще и этим не напрягать. А потом и напрягать-то стало не кого. Одна осталась.

Я выдохнула. Так, ладно сопли разводить. Пора успокаиваться. И не с таким справлялась. Я сильная. Ну, подумаешь, мужик понравился, а в постели оказался никаким. И хуже бывает. Вон Евдокия Вольских вообще мужа в постели боится.

Я помотала головой, избавляясь от всех мыслей, очень хотелось сходить в душ, но было нельзя. Я же всю эту авантюру устроила с определенной целью. Ладно, умоюсь и спать. Утро вечера продуктивнее.

Как ни странно, уснула я быстро и всю ночь проспала беспробудным сном. Проснулась я от того, что мне послышался какой-то звук. Открыла глаза, прислушалась. Тихо. Что-то нервы у меня не очень. Надо на СПА походить. Таблетки мне теперь нельзя. Забеременела я или нет, узнаю только через две недели, так что мне осталось только расслабиться и получать удовольствие.

Взглянула на часы. Семь утра. Ладно, сейчас в душ и завтракать. Стоя под струями воды, подумала: Интересно, что сказала Ленка, когда ключи от квартиры ей принес Костя? Небось, сегодня, часов с девяти утра позвонит узнать подробности.

Вытерлась насухо, натянула на себя шелковый халат, толкнула дверь ванной и... чуть не захлопнула ее обратно. По квартире плыл аромат какой-то выпечки и свежесваренного кофе. Но, я то точно была в душе, а больше в квартире никого быть не должно. Быстренько зашла в туалет, схватила освежитель воздуха, в качестве оружия, и потопала на кухню, откуда плыл вкусный запах.

Первое, что я увидела, это горку блинчиков на столе, чашку кофе и две пиалы: с вишневым вареньем и сметаной. А все потому что сутки почти уже не ела. Совсем забыла про это дело за всеми волнениями.

Второе, на что упал мой взор, — мужчина, эти самые блинчики готовящий. Русский затылок Токарева почти доставал до люстры на потолке. Лениво мелькнуло в мозгу, что нужно будет сменить ее. И только потом возник вопрос, а что он тут собственно делает. В моей кухне у моей плиты. После вчерашнего вечера.

— Токарев, а ты не охренел? — гаркнула я.

Костя повернулся и посмотрел на меня:

— Нет. — И отвернулся опять к плите, ловко переставляя сковородки. — Мы же вчера разбежались в разные стороны.

— Ты как оказался в моей квартире? — Возмущенно спросила я, игнорируя его аргументы.

— Продублировал твои ключи еще полгода назад. — Спокойно ответил мой неожиданный гость.

Ну и ладно, фиг с ним. Сначала поем, потом его выгоню. С наслаждением глотнула кофе. Ммм, вкуснятина какая. Блинчики тоже оказались изумительно вкусными.

— Токарев, может, ты зря в охране штаны просиживаешь. Подался бы в повара.

Костя выключил плиту, сгрузил сковородки в мойку, поставил передо мной еще одну тарелку с блинами и уселся сам.

— Может, — согласился он. — Если хочешь, буду каждый день готовить для тебя.

Я подавилась кофе и закашлялась. Тут же получила внушительный шлепок между лопаток, чуть не улетев носом в стол. Кашлять тут же перестала, во избежание так сказать. Пришибет еще за это дело.

— Прости, — меня быстро вернули в исходное положение и поправили на мне чуть съехавший халат.

Только хотела сообщить ему, куда может засунуть свои извинения, как послышался звук открываемой двери, а затем шум в прихожей. Я быстро вскочила и прошла к источнику шума.

Увидела подпирающего стену коридора Артема Вольских и двух его охранников с отмычками. Вот уж действительно, одинаковы с лица. Да и вообще, сегодня у меня в квартире что, проходной двор?

Сам источник неприятностей был хмур, лохмат и пьян. И вооружен, из-под помятого пиджака выглядывала кобура. Костя тут же передвинул мою тушку за свою, и встал перед оппонентами, как царь горы.

— Артем Сергеевич, доброе утро, — быстро сориентировалась я, выглядывая из под подмышки Токарева, — вы что-то хотели?

— Тебя хотели, — рыкнул Вольских. — Собирайся, поехали.

— Кто это? — Токарев был так же приветлив, как и незваный гость. Охрана пока не вмешивалась и стояла у открытой двери.

— Клиент, — вздохнула я. В единственной выходной, чувствую, придется поработать, поэтому обратилась к Вольских: — Артем Сергеевич, что-то с Дусей?

Тот только промычал что-то согласное, попытался отойти от стены, но покачнулся и снова вернулся в исходное положение.

— Сейчас, только переоденусь, — бросила я и прошла мимо мужчин в комнату. Я как раз успела натянуть джинсы и блузку когда в коридоре послышалась какая-то возня. Выглянула и застала картину достойную кисти Репина. Двое из ларца лежали на полу и затравлено глядели на Токарева. Вольских сидел на банкетке и совершенно равнодушно взирал на происходящее. Сам же виновник сей экспрессивной композиции стоял у входа в гостиную, спрятав руки в карманы, и невозмутимо смотрел на меня.

Я только вопросительно кивнула на валяющихся под ногами близнецов.

— Это так сейчас модно?

Константин только пожал плечами:

— Просто объяснил, что не нужно провожать тебя до комнаты.

— Аа, — только протянула я и пошла обувать сапоги. Выбрала сегодня выше колена, но с плоской подошвой. В таких водить удобнее. Одеда теплую дубленку, подхватила сумку с документами и ключами и вышла из квартиры. Думаю, Токарев сможет всех выставить, и уйти сам. Если утром зашел как-то, то и выйти труда не составит. Мужчины догнали меня уже на выходе из подъезда. Я толкнула кодовую дверь и потопала к своей ласточке. Но тут дорогу мне заступили.

— Алевтина Анатольевна, давайте к нам в машину, — вежливо попросил один из близнецов.

— Спасибо, — согласилась я, — но я на своей. Не хочу вас потом напрягать, чтоб меня обратно довезти.

Обойдя препятствие, я снова направилась к машине, но мне опять заступили дорогу.

— Я отвезу. — Голос Токарева меня не удивил. Вот не умеет человек терпеть поражения.

— Нет, спасибо, я сама доеду. — Как относиться к Косте, я еще не поняла. А мне нужно было время и пространство, чтобы подумать. Вот в дороге и подумаю.

Пока еще кто-нибудь не вознамерился меня подвезти, я быстренько добралась до машины и завела. Прогрела пять минут и направила фары на выезд из двора, но меня тут же обогнал черный Крузак, едва не протаранив припаркованные легковушки. А позади пристроился такой же черный Тахо. Вот любовь какая-то у крутых мужиков к большим черным машинам. Не то что я, на розовенькой. Точнее перламутровой. На самом деле я

хотела обычную серебристую тойоту, но на момент покупки свободной оказалась только эта. Нужной мне расцветки пришлось бы ждать почти восемь месяцев. Но я ни разу не пожалела, что купила почти розовую. На дороге, будь то в городе или на трассе, все думают, что за рулем такой машины сидит совсем курица, и обосновано объезжают максимально возможным радиусом, хотя я за четыре года за рулем ни разу никуда не вляпалась.

В принципе, в таком сопровождении мне ехать понравилось. Вот уж когда от нашего кортежа все шарахались. Даже на загородной трассе никто не обгонял, хотя Крузак и тащился не быстро, чтобы я успевала.

Отъехав десять километров от города, мы свернули с главной трассы, и попали в элитный коттеджный поселок, в котором каждый дом был отдельным венцом архитектурной мысли. Короче, каждый понтвался, как мог. Через минуту мы остановились перед очередным замком в четыре этажа. А я-то Коробовскую двухэтажную лачугу считала большим домом. Вот так и меняется мировоззрение.

В доме нас ждала перепуганная домработница. Артем Сергеевич, уже более вменяемый, чем полчаса назад только коротко бросил:

— Где?

Женщина побелела и сорвавшимся голосом проговорила.

— Она в ванной заперлась. Я все время с ней была, но туда она меня не пустила.

Вольских глухо пробормотал что-то нецензурное и ломанулся вверх по лестнице. Мы все компанией понеслись за ним. На втором этаже рывком распахнул третью дверь, заскочил туда, рванул к еще одной двери поменьше, ведущей в ванную комнату, и с рыком высадил ее своей немаленькой тушкой. Евдокия отрешенно стояла посреди ванной, зябко кутаясь в халат и не поднимая заплаканные глаза на вошедших нас.

— Дусечка, зайка, ну чего ты спряталась, солнце? — Совершенно трезвым голосом проговорил ее муж, обнимая застывшую девушку.

— Артем Сергеевич, — обратилась я к хозяину дома. — Не могли бы вы оставить нас с Евдокией на полчаса. — Тот неохотно разжал руки и кивнул мне. Я шепнула уже выходящему из тесного помещения мужчине. — Примите пока душ и позавтракайте. Вы должны быть сейчас ее поддержкой.

На меня зло глянули, но пошли исполнять рекомендацию. В ванной остались я, Дуся и... Токарев. Я оглянулась на него через плечо:

— Ты тоже можешь выйти. — На мое предложение упрямо помотали головой. Охранник хренов. — Кость, в этом помещении мне точно ничего не грозит, так что будь добр, подожди меня где-нибудь в другом месте.

Токарев недовольно фыркнул, но ванную комнату освободил. Дышать стало намного легче. Я подошла к сжавшейся девушке.

— Евдокия, идемте в комнату. Здесь нет мужчин, поэтому не бойтесь. В вашу спальню никто не войдет, пока я не разрешу. — Я говорила спокойно и уверенно. В этом деле главное убежденность в том, что ты делаешь. Девушка неуверенно кивнула и протопала мимо меня к двери.

В спальне она забралась на кровать, закуталась в теплый плед и замерла, лишь иногда раскачиваясь назад-вперед. Я присела на край кровати и осмотрела комнату. Комната была чисто женской. В спокойных светло-бежевых тонах. Лишь на противоположной стене красовались фотообои с милыми кошачками.

— Вы можете рассказать мне, что произошло. — Предложила я.

Евдокия помотала головой. Так, понятно. У девушки шок. Как бы это дело не скатилось до чего похуже. Ладно, будем отвлекать.

— Евдокия...

— Дуся. — Перебил меня еле слышный шепот.

— Что? — Не поняла я.

— Зовите меня Дуся. Мне так удобнее.

— Хорошо, — согласилась я. — Дуся, помните...

— Помнишь.

— Помнишь, — снова согласилась я, — я вчера предлагала записать свои страхи.

Девушка кивнула, подскочила с насиженного места, достала из прикроватной тумбочки сложенный вдвое лист бумаги и протянула мне.

Я взяла лист и развернула его.

— Итак, вы боитесь укулов. — Дуся кивнула. — Можете сказать почему?

— В детстве я долго болела и лежала в больнице. И там была одна медсестра, которая очень больно делала уколы.

— Крови вы боитесь, поэтому же?

Девушка пожала плечами.

— Наверное.

Я кивнула, принимая этот ответ.

— Вы боитесь грозы?

— Да, это так страшно. — Дуся поежилась. — Красиво и страшно.

— Еще вы боитесь... хм... енотов? — Я честно попыталась сдержать улыбку. Хотя ситуация вырисовывалась совсем несмешная.

— Да. Это тоже с детства. — Девушка зябко поежилась и глубже закуклилась в плед. — Мне лет десять было, когда соседи завели енота. Вроде как, домашнего. Но в первую же ночь он пробрался к нам в дом. Лето было. Жарко. Мое окно было открыто. Я спала, и вдруг чувствую, как кто-то перебирает мои волосы, глаза открыла, а там такая морда полосатая. — Дуся задрожала сильнее. — Я сразу вскочила и кричать, а енот лапами в моих волосах запутался, так больно было. Его уже только мои родители из волос выпутали. Я после этого долго наблюдалась у невролога. И волосы обрезала под корень. Но они потом все равно отросли.

— Ясно. — Хотя ясно мне ничего не было. В ее страхах не было ни мужчин, ни конкретно мужа. — Может быть, вы мне расскажете, что произошло у вас с мужем?

Дуся неуверенно кивнула, помолчала какое-то время, а потом начала рассказ.

— Вчера Тема весь вечер метался по дому. Спрашивал меня, не беспокоит ли что. А ночью пришел ко мне. Долго сидел на краю кровати. Потом погладил по руке. Мне не было страшно. Он свет не включал, только из сада от фонаря отсвечивало. Он начал меня целовать. Мне хорошо было, а потом я посмотрела за его плечо и... дальше не помню. Очнулась, когда расцарапала Артему плечо. Господи, ну почему он меня не бросит. Я же невменяемая!

Я успокаивающе погладила рыдающую девушку по руке, а сама смотрела через плечо, туда, где, по моему мнению, должно было что-то напугать девушку. Но там были только полосатые кошки. Я нахмурилась. Хм... Кошки. Полосатые. С пушистыми хвостами. Полосатыми.

Я резко встала, подошла к стене, забралась на стоящий здесь стул и резко дернула, обои с громким шелестом поддались, и скоро от кошек не осталось ни следа. Я посмотрела на

хозяйку комнаты. Она даже всхлипывать перестала, глядя на мои действия.

— Легче? — спросила я.

— Намного, — прошептала Дуся.

— Эта картина здесь уже была, когда ты сюда переехала?

Девушка слегка заторможено кивнула.

Я удовлетворенно прыгнула со стула, но слегка не рассчитала, и тот упал на бок. В комнату тут же вломились Токарев, близнецы и сам хозяин дома, в уже гораздо более лучшем состоянии.

Оценив обстановку Вольских тут же подскочил к своей жене.

— Что здесь произошло?

Я пожала плечами.

— Полагаю, вам лучше выбрать для супружеской жизни другую комнату. Желательно в ровных тонах, без каких либо фигурок или изображений животных. Я уверена, что у вас все получится, — заявила я и направилась на выход из этого дома. Чего-то устала я за эту неделю.

У порога дома меня догнал Токарев и пристроился рядом. Я проигнорировала его и продолжила топтать к своей машине.

— Аль, может тебя лучше подвезти? Машину через пару часов доставят.

Я резко к нему развернулась.

— Слушай, Токарев, у тебя дел других нет? Чего ты за мной едешь? — Я еле слышно шипела, не хватало еще устроить представление во дворе чужого дома.

— Я отпуск взял на месяц. — Пожал плечами мужчина.

— Вот и катись, отдыхай куда-нибудь, но подальше от меня. — Рыкнула я и уселась за руль, громко хлопнув дверью.

Из поселка я выехала в крайне скверном расположении духа. Черная Тахо двигалась за мной как приклеенная. И чего он от меня никак не отстанет? Ведь все уже обговорили вроде. Переспали, разбежались. Я же его унизила после вчерашнего... хм... секса. Неужели у него нет самоуважения?

Я сильно злилась, прокручивая эти мысли в голове, отвлекалась на позади идущую машину. И вовремя не среагировала на опасность. Едущий по встречной полосе бензовоз резко занесло на скользкой дороге, и в меня полетела огромная цистерна. Проскочить я уже не успевала, резко дала по тормозам, но желаемого результата это не принесло. Мне развернуло на скользкой дороге, краем глаза я увидела машину Токарева, и в ту же секунду в правый бок моей машины прилетел сильный удар. Боковые стекла посыпались, а машину снова начало разворачивать. Следующий удар пришелся на капот, который смяло как бумагу. Затем машину выбросило с дороги, и видимо я отключилась на пару минут, потому что следующее, что я уловила это то, как Токарев бегал вокруг машины, пытаясь открыть хоть одну дверь. Я не сдержала вздох облегчения, ну, хоть он не пострадал.

Я попыталась оценить нанесенный ущерб. Болело все. Даже кожа на лице, видимо посекло осколками. Но особенно болела голова. Дышать было трудно, меня прижало к рулю, поэтому я отделялась короткими рваными вдохами. Ног я не чувствовала вообще, видимо зажало. Или поврежден позвоночник и их парализовало. Но о плохом думать не хотелось.

Наконец раздался треск, и сзади потянуло холодным воздухом, видимо Костя нашел способ открыть дверь.

— Где больно? — Рыкнул мужчина.

Сил хватило только прошептать:

— Дышать.

Позади послышалось копошение, и меня вместе с креслом рывками сдвинули назад. Немного, но этого хватило, чтобы сделать нормальный вдох. Затем послышалось пыхтение, и мимо меня пролетел разрезанный ремень безопасности. Ног я так и не чувствовала. Опустила глаза вниз и увидела, что практически на моих коленях лежит двигатель. По щекам потекли слезы. Как всегда запоздалая реакция. Чтобы не скатиться в панику, пришлось отвлечься.

— Кость?

— М?

— Разговаривай со мной. Наблюдай, чтоб не отключалась. Если не будешь слышать ответа, можешь нахлестать по щекам, растереть снегом кожу или плеснуть воды. Если не буду реагировать на вопросы, делай то же самое.

— Я не буду тебя бить, — рыкнул Токарев, стирая кровь с моего лба. — И так живого места нет.

Ответить я не успела, подъехала скорая, за ней спасатели, которые тут же засуетились вокруг моей малолитражки.

— Помнишь, как мы с тобой встретились в первый раз? — Прошептал Костя мне на ухо. — Я тогда удивился, ты ведь высокая для женщины. А танцевала так, как будто родилась с такими плавными манящими движениями. И потом, на свадьбе. Ты надела платье, которое так и хотелось снять с тебя. А ты на меня внимания не обращала. Совсем. Пришлось постараться, чтоб обратила.

Я промычала, что-то типа «молодец, обратил». И чего он это мне рассказывает? Отвлекает так?

— А потом, я понял, что мне комфортно спать в твоём присутствии. И петь. Я в детстве в музыкальную ходил, не думал, что пригодится. Хотел бы я себе такую женщину. И детей...

— Токарев, — перебила я его, — если я выберусь из этого без серьезных последствий, то подумаю о том, чтоб за тебя замуж выйти. Ей богу. Только помолчи сейчас. — Я не стала добавлять, что в принципе в его присутствии мне всегда было комфортно. Даже сейчас в покорёженной машине и с зажатыми ногами.

В это время мою машину разрезали гидравлическими ножницами. Я почувствовала, что за моей спиной стало прохладно. Медики на шею натянули какой-то фиксатор. Костя вылез из машины и полез в образовавшийся проем, чтобы вытащить меня. Я зашипела от боли, когда меня осторожно подняли на руки и перетащили на носилки. Голова просто раскалывалась. Прикрыла глаза, пытаюсь отрешиться пока от всего. Главное не поддаваться панике, все равно она не поможет. Просто делать вдох-выдох. Можно еще пульс посчитать.

— Вам нельзя в машину, — голос медбрата был категоричен.

— Я муж, — прорычал Токарев. Носилки дернулись, фиксируясь в машине. У меня вырвался невольный стон. — А осторожнее нельзя? — Рыкнул мой новоявленный «муж».

— Токарев, — прошептала я, — не кричи. Голова и без тебя болит.

Меня молча взяли за ладошку и не отпускали до самой больницы. Я пару раз отключалась. Врачи что-то мне кололи в вену, через каждые три минуты светили чем-то в глаза, на запястья одели какие-то датчики. Из-под под ресниц замечала иногда, как Токарев что-то строчит в телефоне. Но я больше всего пыталась сосредоточиться на покалываниях, которое стало появляться в ногах. Значит, есть шанс, что буду я передвигаться на своих двоих.

Сознание начало ускользать уже в коридоре больницы. Все что успела сделать, это вцепиться мертвой хваткой в руку Кости. Последней мыслью было, что если во мне и зародилась какая-то жизнь, то сейчас, скорее всего ее уже нет.

— Алевтина Анатольевна, время открывать глазки, — негромко произнес мужской голос. Я его слышала, но веки ни в какую не хотели подниматься. Пришлось приложить усилие, чтобы открыть глаза. Глаза тут же резанул неяркий свет, но почему-то он мне показался ярче солнца. Я проморгалась и хрипло выдохнула.

— Пить.

Надо мной склонился невысокий старичок. Смешной такой. Как из мультика. В белом халате и с шикарными усами. Я даже попыталась засмеяться, но вышло что-то несурзное.

— Сейчас, девочка. — Моих губ коснулось стекло стакана, и я жадно припала к жидкости.

— Спасибо, — хрипло поблагодарила я. Попыталась пошевелить правой рукой, но мне это не удалось. С удивлением перевела взгляд со старичка и увидела, как на моей руке, крепко обхватив своей, спит Токарев, сидя на каком-то хлипком стуле. Он явно устал, под ресницами залегли глубокие тени.

— Вашему мужу сложно отказать, когда ему что-то нужно. — Негромко проговорил доктор. — Даже в операционной вас за руку держал. — Я в недоумении уставилась на старичка. Он тут же поспешил пояснить, — Вы попросили его не уходить, когда вам анестезию вводили. Вот и не отпускает до сих пор.

Я еще раз посмотрела на якобы супруга, и тут же пожалела его:

— Может ему лучше кушетку или хотя бы раскладушку сюда?

— Не положено, — ответил врач. — Кстати, меня зовут Геннадий Семенович, я ваш лечащий врач. Алевтина Анатольевна, вы не хотите спросить, как ваше здоровье?

— Хочу.

— Так вот слушайте, у вас ушиб грудной клетки, но ребра каким-то чудом все целые. Трещина в левой коленной чашечке и легкие ушибы мягких тканей. Здесь чуда никакого нет, вас спасли кожаные сапоги с качественными вставками. К сожалению, обувь сильно пострадала и восстановлению не подлежит. Кожа лица немного пострадала от осколков стекла. Но больше всего пострадала голова. У вас было сильное сотрясение. Возможность развития тромбозов мы исключили с помощью медикаментов. Но ваш муж заявил, что вы можете быть беременны, поэтому нам пришлось заменить несколько препаратов на более безопасные. Анализ на ХГЧ правда ничего не показал. Как вы думаете, какой у вас может быть срок?

Я мысленно застонала и прикрыла глаза. То есть я думала, что все продумала, а он сделал вид, что поверил. Ну, Токарев...

— А какое сегодня число?

— Первое декабря. Утро.

Я только хмыкнула. Ну, с первым днем зимы тебя Алечка.

— Два дня.

— Чего два дня? — Не понял врач.

— Возможность беременности два дня. — Пояснила я.

— Хм.. — Только и смог пробормотать доктор. Засуетился, отошел от меня к пищащим приборам рядом. — Обезболивающее скоро прекратит свое действие. К вам зайдет медсестра минут через двадцать, обезболит. Я зайду через пару-тройку часов.

Меня хватило только на то, чтобы согласно прикрыть глаза. Как только дверь за Геннадием Семеновичем закрылась, я попыталась повернуть голову так, чтобы видеть Костю. Организм тут же отозвался пульсацией в висках и противным головокружением. Сцепила зубы, заставив себя терпеть. Когда предметы вокруг меня перестали плавать, я тихо задала вопрос:

— Все слышал?

Токарев поднял голову и вперил свой совсем не заспанный взгляд в мое лицо, что-то там выискивая.

— Все.

— И?

— Ты не могла пить гормональные противозачаточные. Они тебе не подходят.

— Давно знаешь? — Усиливающая боль в висках как-то отвлекла от удивления его осведомленностью.

— Давно. — Согласился Костя. — Еще до свадьбы Коробовых собрал на тебя досье.

Я промолчала. Очень хотелось спросить, «Зачем?». Хотя, и так все понятно. Непонятно только на кой черт ему это все сдалось. Через какое-то время не выдержала и спросила:

— Токарев. Мы же уже переспали. Сейчас-то зачем тебе это все? Иди домой, забудь меня и живи спокойно. — На самом деле, мне не хотелось бы сейчас остаться с этой ситуацией один на один. Но и по отношению к этому мужчине быть эгоисткой было бы нечестно. Вокруг много молодых и красивых. Зачем ему такая проблемная, как я?

Костя внимательно посмотрел на меня.

— А если я влюбился? Об этом ты не подумала? Если я переживаю за тебя? Если мне нужны твои проблемы. Я хочу их решать! — всегда спокойный мужчина вскочил со стула и начал метаться в тесном пространстве палаты с грацией тигра. От этого мельтешения у меня голова просто стала наливаться пульсирующей болью. Кажется, я застонала. Токарев тут же прекратил бегать, открыл дверь палаты и крикнул:

— Медсестру!

В палату тут же вбежала перепуганная молоденькая девочка, окинула меня взглядом и что-то вколола в капельницу. Легче стало уже через минуту. Еще через две меня стало клонить в сон. Хмурый Токарев стоял рядом и смотрел, как я засыпаю.

Проснулась я почти через сутки. Голова болела меньше. Очень хотелось помыться. Но, придется терпеть. Слава богу, Токарева в палате не было. Да и сама палата была какая-то не такая. Она больше была похожа на маленькую квартирку, или номер в гостинице, чем на палату. В уголке, около пишущих приборов, притулилась спящая девушка. Та самая медсестра, что заходила в последний раз.

Тело сильно затекло, и я решила немного подвигнуться. Лишь я двинулась, тут же что-то запищало и, спящая до этого девушка, встрепенулась.

— Ой. Я уснула. — С удивлением констатировала она сей факт.

— Не переживай. Я тоже. — Мирнолюбово улыбнулась я.

— А вы Константину Евгеньевичу не скажете, что я уснула? — испуганно попросила девочка. — А то он меня растерзает. Он и так на меня во время вашей транспортировки сюда два раза наорал, что я вам якобы иголку не туда воткнула и препараты не те взяла. Нервный у вас муж.

— Не скажу, — решила я ее прикрыть. И тут же заинтересовалась: — Если скажешь, куда меня перевезли? И как тебя зовут?

Девушка, что-то рассматривающая на подключенном мониторе, тут же отвлеклась и начала честно рассказывать:

— Меня Ирина зовут. Вас перевезли в «Лечилку» по просьбе Вадима Дмитриевича. Константин Евгеньевич курировал вашу перевозку. А я здесь подрабатывала, вот и меня из больницы вместе с вами перевезли. — Девушка, видя, что я задумалась, затихла в своем уголке.

Значит, Коробов подсуетился с моей перевозкой в лучшую городскую клинику, которую создала его мать. А Токарев естественно поддержал своего нанимателя и друга в очередном начинании. Черт, это же значит, что Ленка уже в курсе. Ей же рожать скоро, нервничать совсем нельзя. Или не в курсе и Вадим ей ничего не сказал?

То, что подруга в курсе я поняла через двадцать минут, когда та вихрем принеслась ко мне в палату. Ну, как вихрем? Пингвинистой уточкой. Но выглядело это так: сначала в палату заглянул Павел, оценил ситуацию и выгнал позевывающую Ирину в коридор. Затем в палату вразвалочку завалилась Лена, в сопровождении еще двух охранников бандитской наружности.

— Ну как же ты так, а? — Тут же выдала подруга, вместо приветствия. — А мне все время говорила, что это я неприятности на свою пятую точку нахожу. — Грустно протянула она, и примостилась на стульчик, стоящий рядом с моей кроватью.

— Привет, хорошая моя, — улыбнулась я, зная, что если расстрою ее, то Коробов меня сам под первым же кустом прикопает. — Не расстраивайся. Я еще очень легко отделалась. Могло и хуже быть.

— Ну да, — невесело хмыкнула подруга. — Ты мне лучше вот что расскажи, чего это Костя там, на объездной, рядом с тобой оказался? А потом всем рассказывал, что он твой муж? И давно это у вас?

Я только устало прикрыла глаза. А ведь всего лишь хотела ребенка от нормального мужика родить, а уже полгорода знает, что мы с ним переспали.

— Ничего у нас нет, — пролепетала я, не открывая глаз. — Так разовое событие.

— Он тебе что, совсем-совсем не нравится? — Как то обиженно спросила Ленка. Я даже глаза открыла.

— Ну, почему? — Я пожала здоровым плечом. — Он видный мужчина. Достаточно обеспеченный. Так что вполне себе хороший кандидат в мужья. — Я сознательно опустила его личностные качества, задев только общеизвестные факты.

Коробова от возмущения даже со стула вскочить попыталась, правда тут же взяла себя в руки и прошипела:

— Аль, ты в своем уме. Он тут за ней год почти ходит, дело свое открыл, охранное агентство. Как только я рожу, совсем уйдет от Вадима. Сейчас тут для тебя все делает, врачи на тебя даже дышать боятся. А она еще кочевряжится. — Ленка всплеснула руками. — Видно же, что и ты к нему неравнодушна.

Я лишь глубоко вздохнула и покосилась на охранников, стоящих около двери и косящих под мебель. Ленка тоже покосилась на них и возмутилась:

— А вы чего это тут подслушиваете? Идите ка к Пашке и узнайте когда мы домой поедем. И раньше чем через полчаса не возвращайтесь.

— Но, Елена Аркадьевна... — начал было один из мордovorотов, но тут же был перебит.

— Так, я сейчас начну нервничать и звонить мужу, — пожаловалась мне жалостливо подруга, и охранников тут же вымело за дверь. Лена только вздохнула, — вот, только Вадика

и бояться.

— Твоего Вадика вся область боится. И еще несколько соседних. — Не выдержав, ляпнула я.

— Да, ну? Вадик добрый и справедливый. И заботливый. Даже слишком. — Добавила подруга, подумав.

— Лен, это он по отношению к тебе добрый и заботливый. А остальные его боятся, как опричники Ивана Грозного. — Фыркнула я.

— Ой, а твоего Токарева не боятся? Ты бы эту рожу перекошенную видела час назад, когда он тут врачей гонял. И кстати, давай рассказывай чего у вас там.

— Боюсь я.

— Костю? — Опешила она.

Я отрицательно покачала головой:

— Нет. Отношений я боюсь. У меня детская травма, в связи с уходом отца. Потом еще и мама умерла. Тоже вроде как оставила. Если еще и мужчина меня бросит, то, как мне с этим справляться? К врачу идти? Я и так могу себе сама все диагнозы поставить. — Я подняла свободную от капельницы руку и прижала переносицу. — Черт, как сложно-то все, а?

Ленка придвинулась ближе и положила руку мне на плечо.

— Аль, если ты не попробуешь, то не узнаешь, что значит быть с мужчиной готовым для тебя на все. Я если бы от Коробова своего все-таки сбежала, то тоже бы никогда не узнала этого. Попробуй. Что ты теряешь? Одиночество? Так никогда не поздно всех послать и быть одной. Подумай над этим. — Лена ласково потрепала меня по руке. Тут в палату заглянул Павел.

— Елена Аркадьевна, ну чего вы? — Паша неловко переступил с ноги на ногу. — Вадим Дмитриевич с меня шкуру спустит, если узнает, что мы вас одну оставили.

Коробова смешно сморщила нос и, кряхтя, слезла с насиженного места.

— Аль, ты все-таки попробуй. Не понравится, бросить всегда успеешь. — Лена игриво подмигнула мне и поковыляла в сторону двери. — Да иду уже. Надсмотрщики, блин.

Подруга, бессвязно ворча, вышла в коридор и закрыла за собой дверь, которая тут же распахнулась, и в палату вбежал Костя. Весь растрепанный какой-то. На всегда гладко выбритом лице сейчас красовалась щетина, едва заметные раньше морщинки прорезались глубже, под глазами залегли темные тени.

— Токарев, ты, когда последний раз спал? — Отчего-то при его рассмотрении это было первым, что волновало. Оглядела еще раз его фигуру. — И ел? Это я вообще-то болею, и мне полагается выглядеть, как чудище лесное.

Костя смешно сморщил нос, придвинул к себе стул, уселся и внимательно на меня уставился:

— Вчера, наверное. — Мужчина задумался. — Или позавчера. Не помню точно.

Я разозлилась. Ну как так можно. Вот неужели так хочется помереть в таком возрасте от истощения, инсульта или еще чего поинтереснее.

— Так, ну ка зови медсестру!

Токарев встрепенулся:

— Сильно болит? Сейчас. — Он выглянул в коридор, и в палату тут же вбежала Ирина.

— Что случилось? — Девушка со страхом смотрела на Костю.

— Ирину, заставь сейчас кого-нибудь, чтоб поставили в палате еще одну кровать. — Я упрямо смотрела на мужчину. — Причем срочно.

Девушка радостно закивала и бросилась в коридор. Видимо страшный Токарев, шатающийся по больнице, достал уже всех.

— Зачем? — Костя тяжело опустился на стул и потер ладонью лицо.

— Затем, что ты на ногах не держишься. И зачем было тут сидеть, меня караулить? Домой ты не едешь. Остается только вариант, что ты будешь спать здесь и под моим присмотром. — Кажется, моя тирада ему понравилась, так как уголки его губ чуть дрогнули.

— Заботишься? — Как-то натянуто спросил он.

— Переживаю, — отмахнулась я. Больше до прихода санитаров, прикативших в палату уже застеленную кровать, Костя не сказал ни слова, лишь внимательно разглядывая мое лицо. Ну что ж, я тоже его разглядывала. Даже тогда, когда он разделся, оставшись лишь в брюках, и улегся, все так же глядя на меня. И даже когда, через пару минут его ресницы опустились, и он размеренно задышал, я смотрела на него и понимала, что вляпалась. По самое не хочу.

Умом я понимала, что Токарев в течение этого года просто заставил привыкнуть меня к своему присутствию рядом. Вроде бы все постепенно и ненавязчиво, и вот я уже беспокоюсь о его сне, голоде и комфорте. Причем, как любовник он меня не особо и впечатлил, но это тоже можно списать на то, что у него давно никого не было. Или было и он всегда такой? Этот вопрос нужно будет прояснить.

И вообще, я уже согласна со словами Ленки. Он мне действительно нравится. Даже больше. Это похоже на легкую влюбленность и восхищение. Да и вообще, очень интересно посмотреть, что этот тактик придумает дальше.

Через полчаса в палату заглянула Ирина, ввела мне что-то в капельницу и уселась с книгой в руках рядом с монитором. Я же, довольная своим решением, удовлетворенно закрыла глаза и погрузилась в сон.

Проснулась я от того, что кто-то гладил меня по лицу, осторожно обводя, контуры. Открыла глаза и увидела Токарева во всей красе: выпался, помылся, побрился, переоделся. Красавец. А я страшная, чумазая, израненная, вся в ушибах. Ужас какой. Я закрыла глаза и протяжно застонала. Когда есть благодарные слушатели, можно и капризной побыть.

— Что такое? — Тут же встревожился мужчина.

— Я тоже помыться хочу. — Чуть ли не прорыдала я. Терпеть ненавижу, когда грязная. Сразу же настроение портится.

— Тшш, — меня утешительно потрепали по плечу. Тоже, небось, грязному. Скоро вши заведутся. От этих мыслей меня передернуло. — Давай так. Ты сейчас поешь, а потом я тебя помою.

От этих слов мне стало намного легче. Ура, скоро меня помогут, и я буду чистая и довольная. Токарев тем временем выдвинул передо мной какую-то палку, которая преобразовалась в маленький столик, поставил небольшую закрытую мисочку, снял крышку, и я чуть слюной не захлебнулась. Наваристый бульон, с листочком петрушки создавал такой запах, что я чуть в голодный обморок не свалилась.

— Врачи сказали, что пока только бульон можно, — он как-то виновато на меня посмотрел.

— Девай быстрее! — Я нетерпеливо заерзала и Костя, усмехнувшись, поднес край мисочки к моим губам.

— Пей.

Я послушно сделала глоток и, прикрыв глаза и похрюкивая от удовольствия, вылакала весь бульон. Ммм, вкуснятина.

— Вот теперь можно и помыться. — Я ожидающе уставилась на Токарева.

— Подожди, — тот сначала заглянул в ванную, затем умчался из палаты и вернулся с какой-то странной конструкцией, пленкой и врачом. Конструкция была помещена в ванную, пленкой замотали повязки на мне, а врач придерживал капельницу, когда Костя нес меня в ванную комнату, где меня, полулежа, опустили на какую-то подставку. И как тут мыться? Я вопросительно уставилась на Токарева, но вопрос задать не успела, так как врач пробормотал:

— Так ведь медбратаы есть, помыли бы и без вас, — Токарев резко обернулся к врачу. Уж не знаю, что там было на его моське, но врач попятился.

— Свою жену я буду мыть сам! — прошипел этот невозможный индивидуум. Я только глаза закатила, предводитель бабуинов блин. Чего персонал то пугать.

— Я... я, пожалуй, вас в палате подожду. — И выскочил из палаты. Костя задумчиво посмотрел вслед врачу и повернулся ко мне.

— Ну что, теперь то меня можно помыть? — Я капризно надула губы, хотя знаю, что с моим лицом это точно не сочетается. Мужчина только кивнул, осторожно стянул с меня больничную рубашку, включил воду и что-то тихо примурлыкивая, начал аккуратно скользить по мне губкой. Лицо у него при этом было ну очень сосредоточенное, как будто картину рисовал, только что от старания язык не высунул. Ну что ж, сам напросился.

— Громче! — Возмущенно проговорила я. Токарев вопросительно посмотрел на меня. Я

решила пояснить: — Пой громче. А то давно не слышала.

Костя усмехнулся и завел «Бель», опять на французском языке. У меня опять мурашки строем заходили. Чтоб как-то снять напряжение, я решила узнать интересующие меня вопросы.

— А ты откуда французский знаешь?

Токарев хмыкнул и заявил:

— Не только французский, но еще и английский и испанский. — Хрипло проговорил он, потом прокашлялся. — Ты сейчас раздетая перед мужчиной, и тебе хочется говорить про языки?

Я пожала плечами:

— Эка невидаль, что я голая перед мужчиной. А вот откуда у тебя такие лингвистические знания, очень интересно.

Костя окинул мое тело внимательным взглядом и продолжил смывать с меня грязь.

— В школе разведки получил, нужны были, пока в отставку не ушел.

— Ясно. А при Коробове значит еще и переводчиком работал. — Глубокомысленно изрекла я, пока с меня аккуратно смывали пену. — То есть, если я Ленке не скажу, что ее познания мужу не особо и нужны, что мне за это будет?

— А чего ты хочешь? — Токарев аккуратно завернул меня в полотенце, позвал врача и подхватил на руки. И лишь в палате, одетая в чистую рубашку, и подождав пока мы останемся одни, я продолжила:

— Как и все, — я притворно вздохнула, — кольцо с бриллиантом, замуж, семью, детей.

— А деньги, — Костя пытливо на меня посмотрел.

— Неа, деньги я себе сама заработаю. А вот остальное даже не знаю у кого и попросить.

— То есть ты согласна быть моей женой?

— А меня никто и не приглашал! — С обидой проговорила я, глядя в потолок.

— А если приглашу? — Полюбопытствовал Токарев.

— Вот, — воодушевилась я, — с этого и нужно было начинать. А то некоторые только «Переспим?» предлагают.

— И все-таки?

— Все-таки? Я тебя подинамлю годик, а потом посмотрим на твое поведение. — Не согласилась я быстро сдаваться.

Токарев развеселился:

— Тогда я переезжаю к тебе.

— Чего это ко мне сразу? — Я зевнула во весь рот, после еды и помывки на меня накатила дикая усталость.

— Вот и договорились. Живем у меня! — Огорошил он меня, коротко поцеловал, подтянул одеяло повыше, сказал, — тебе нужно поспать, — и сбежал.

Ну что за мужчина, а? Но рационально думать не хотелось, хотелось сдать и не перечить. Я удовлетворенно вздохнула и закрыла глаза.

Исключить все риски в моем здоровье врачи смогли только через две недели, когда я начала потихоньку вставать. Мышцы ног восстанавливали свои функции, головокружение было уже не таким частым, и я позволяла себе уже делать несколько шагов с ходунками. И все бы ничего, но от скуки я уже на стену залезла бы, если б смогла. В итоге Токарев, смирившийся с моими капризами, решил взять меня домой, под присмотром врачей, конечно, но все же. Я так обрадовалась, что целый день его не доставала, он даже стал

переживать, все ли со мной в порядке.

За это время три раза приезжала Ленка, с все большим количеством охраны. В последний раз приехал даже переживающий за будущих внуков свекр, так что поболтать нам особо не давали. Токарев так же ночевал в палате. Хоть за это я была спокойна, но проконтролировать его питание пока не выходило, так как он регулярно отлучался по делам, а потом врал мне с честными глазами, что обедал где-то в городе. И почему меня это беспокоило? Да потому что я видела, сколько времени и сил он тратит на меня, терпит мои придирки, заботится. В общем, ведет себя так, как по отношению ко мне себя не вел никто из мужчин. Любой из тех, кого я знала раньше, сбежал бы, не оглядываясь, в такой ситуации. А этот сделал все, чтобы сделать мое пребывание в больнице комфортным. Вот как в такого не влюбиться? Я не смогла.

В день выписки Токарев пришел в палату с сумкой вещей для меня. Абсолютно новых, на что я обратила пристальное внимание. На это мне был дан ответ, что появляться в своей квартире я ему разрешения не давала, поэтому и ходить мне придется в новых вещах. И когда это его раньше останавливало? Недовольно фыркая, что он деньги разбазаривает направо и налево, я таки натянула на себя одежду. Потом была аккуратно взята на руки и под облегченный вздох персонала клиники, вынесена на парковку перед больницей.

Токарев уже двинулся к своей Тахо, как путь нам преградил черный Ленд Крузер, из задней двери которой вывалился Артем Вольских, с улыбкой до ушей.

— Алевтина Анатольевна! Как ваше здоровье? — Вольских проигнорировал хмурую морду Токарева, обращаясь исключительно ко мне. — Мне тут сказали, что вы машинку помяли?

Так как на улице был не май месяц, а Вольских не прыгц на белом динозавре то я задала вопрос по существу:

— Что вы здесь делаете? И что с Дусей?

Вольских радостно достал из машины букет ярко алых роз и протянул мне. Я осторожно взяла, чувствуя как напрягся Костя.

— Это вам. С Дусей все хорошо. Вы знаете, как мы вам благодарны! Очень благодарны. У нас теперь все замечательно. И вот, — мужчина протянул руку куда-то в сторону, — примите, пожалуйста подарок. Все равно в салоне на витрине пылится, и модель уже не новая, конечно. Но машина надежная.

Я повернула голову в указанном направлении и замерла. На небольшом эвакуаторе, сверкая блестящими боками, стояла красная Тойота РАВ 4. Вау. Я от избытка чувств даже присвистнула. Всегда о такой мечтала.

— Знаете, — начал было Костя, но я тут же накрыла его рот ладошкой.

— Сколько вы за нее хотите? — Спросила я, подсчитывая в уме свои сбережения.

— Что вы, — отмахнулся Артем, — вы мне семейную жизнь наладили, разве может у этого быть цена. Да и жена меня домой не пустит, если вы машину не примите. — И видя, что я сейчас начну возражать, добавил: — Она на складе уже полгода пылится, до этого на витрине больше года простояла. Да и комплектация сейчас новая идет. Возьмите, пожалуйста, а то придется на запчасти разобрать и продать.

Я даже задохнулась от возмущения, эту красотку и на запчасти? Он, что, сдурел?

— Ну, уж нет! — выпалила прежде, чем подумала.

— Вот и славно. Все документы в бардачке. В ПТС вы уже вписаны. В ГИБДД зарегистрированы. Эвакуатор поедет за вами, машинку во дворе сгрузит. — Вольских пихнул

мне в карман ключи, потер ладошки, счастливо улыбнулся и залез в машину, которая через минуту уже скрылась из виду.

— И часто у тебя так? — пробормотал Токарев мне в ладошку, которую я забыла убрать с его губ.

— Вот веришь, первый раз! — Прижала я руку к сердцу.

— Ну-ну, — не поверил мужчина и таки понес меня, уже начавшую подмерзать к машине. До дома, в котором жил Костя мы добрались достаточно быстро. Я даже глазам своим не поверила — это был тот же дом, в котором год назад жил Ленкин муж.

— Э-э, — глубокомысленно изрекла я, когда меня внесли в фойе этого замечательного строения. — Если мы к Коробовым, то они уже год как за городом живут. — Решила предупредить, мало ли забыл.

— Нет, мы на десять этажей ниже. — Выдал Токарев и понес меня к лифтам. — Надеюсь, ты высоты не боишься?

— Ну, уж нет, — я сделала оскорбленную моську, — у меня абсолютно другие фобии. Хотя, боязнь высоты, быть может, была бы лучше. — Закончила я глубокомысленно.

Квартира действительно нашлась на пятнадцатом этаже. Просторная такая. Меня сразу доставили в спальню и осторожно сгрузили на кровать. Раздели, разули и принялись хлопотать: не нужно ли мне помыться, покушать, почитать, посмотреть телевизор?

— Пригласить стриптизеров и бармена, — вклинилась я.

Костя как-то поперхнулся воздухом и отшатнулся. Потом молча встал и подошел к окну.

— Пока ты здесь, стриптиз увидишь только в моем исполнении, — сухо сказал он, разглядывая что-то во дворе.

— Согласна, — тут же кивнула я, — давай.

Он повернулся ко мне лицом и мне даже страшно стало. Я его таким серьезным никогда не видела.

— Аль, — он подошел и присел передо мной на корточки, — долго ты меня еще испытывать будешь? Я же не железный. Я мою тебя, голую через день. Переодеваю каждый день. Я уже...

Он опустил голову и как-то совсем невесело усмехнулся.

— Кость, — я протянула руку и легко провела по русым волосам. — Я и так тебя уже испытала, как могла. А сейчас я просто пытаюсь приспособить себя в твоей жизни. Более того, кажется, я даже начала думать, что у нас все выйдет.

— Ну вот, а я уже год, как думаю, что у нас получится. — Повеселел Костя и тут же нахмурился. — Но на счет стриптиза я не шутил.

— Эх, не походить нам больше с Коробовой по стриптиз барам. — С сожалением протянула я.

— Додумалась тоже, — фыркнул он. — Да Коробов потом всех стриптизеров по одному тихонько где-нибудь придушит.

— О, да. Вадим Дмитриевич, тот еще извращенец.

Костя невесело улыбнулся:

— Я тоже.

— Ладно, — решила я перевести тему на более интересную. — Ты мне лучше скажи, сколько времени у тебя до меня женщины не было?

— В плане?

— Секса.

Токарев задумчиво пошевелил губами.

— Год. Или около того.

Ясно, почему он тогда сорвался.

— Хорошо, — кивнула я. — Тогда предлагаю попробовать еще раз.

— Что попробовать?

— Секс. — Заявила я как можно убедительнее.

Костя погладил на моей руке уже светло-зеленый синяк.

— Только после того, как ты выздоровеешь. — Безапелляционно заявил он.

Ну-ну, наивный. Так, нужно срочно разработать план по соблазнению конкретно этого мужчины в ближайшие сроки. Блин, что-то такое я уже планировала, только в другом контексте. Ладно, справимся как-нибудь. Что-то в последнее время я совсем расслабилась и надеюсь на авось.

Токарев поднялся, схватил лежащий на столе веник роз и вышел из комнаты, оставив меня додумывать пришедшую в голову мысль: за какие-то две недели Костя взял на себя львиную долю моих забот. Или забот обо мне. Изнутри начала подниматься волна паники, которую я пыталась тщательно подавить, закрыв глаза, делая глубокие вдохи и безрезультатно расслабляя мышцы. А что я буду делать, если...

В губы мне ткнулся стакан с водой:

— Пей. — Костина рука приподняла подбородок и влила немного жидкости в рот. Стало лучше после первого же глотка. Одно осталось неясным, как этот мужчина понял, что меня сейчас накроет? Я открыла глаза, внимательно рассматривая Токарева, а он осторожно подхватил меня, устроил на своих коленях и начал тихонько укачивать.

— Кость, а почему я? — Спросила, когда чуть успокоилась.

— Потому что..., - начал мужчина и замолк.

— Ну! — поторопила его.

Токарев глубоко вздохнул, и под моей щекой сильнее забилось сердце.

— Сейчас расскажу, только не смейся, — предупредил он. — Когда в армии служил, нас на другой полигон перебрасывали через понтонный мост. Под нашей машиной мост перевернуло, и все, кто был в кузове, оказались заперты под водой. Меня швырнуло в закуток с оружием, а остальных я не видел. Я оказался в небольшом воздушном мешке. На меня его хватило. Когда через двадцать минут машину вытянули, оказалось, что выжили только я и пацан, который за рулем был. Остальные двадцать парней утонули. С тех пор я не могу себя заставить залезть в воду. Подсознательный блок какой-то. У меня в квартире только открытый душ. Даже в него я без содрогания зайти не могу. Заставляю себя каждый раз.

— Подожди, — перебила я, — но ведь меня ты моешь каждый день?

Костя как-то особенно весело улыбнулся.

— Вот про это и говорю: у меня рядом с тобой вырабатывается абсолютно другой рефлекс, напрочь перебивающий застарелую фобию. Я последнюю неделю совсем про свою боязнь воды забыл. — Токарев прижал меня к себе чуть крепче. — Теперь понимаешь, что мне нужен собственный психолог под боком?

Вот уж точно кошак. Хитрый, красивый и воды боится.

— Ты у меня через год еще в бассейн ходить будешь. — Гордо пообещала я ему.

Плечи под моей ладонью слегка передернулись.

— Так скоро не обещаю. Но про это я и говорил — ты не боишься заставлять людей переступать через себя. И сама себя заставляешь. Мне очень нужна именно ты, как

профессионал. И как женщина. — Он зарылся в мои волосы носом, начав что-то примурлыкивать. Ох, как мне это нравится. Вибрация, зарождающаяся в горле мужчины, переходила на грудь, и растекалась по мне приятным успокаивающим теплом. Я и не заметила, как уснула.

Проснулась от того, что стало холодно. Открыла глаза и осмотрела кровать, на которой спала. Подушка на другой стороне была примята, значит, Костя тоже ложился. Аккуратно встала, головокружения не было, что очень радовало, и тихонько, по стеночке пошла искать хозяина гостеприимного жилья. Открыла дверь и оказалась в просторном коридоре. Справа слышался шум воды и смешные пофыркивания. Так, вот и есть повод позаниматься его страхами. Стянула с себя одежду, бросив ту в коридоре, и открыла дверь.

Как Костя и говорил, всю комнату занимал открытый душ, под которым, фырча и трясясь, мылся Токарев. Спиной ко мне. Аккуратно, чтобы не навернуться на скользком полу, подкралась и положила ладошку между его лопаток. Спина резко замерла, и мужчина обернулся. Ух, какой он, я ж его впервые голым вижу, да еще и в душе, когда по жилистому телу сползали капли воды, с волос сбегали ручейки, теряясь где-то на просторах тела, пушистые ресницы слиплись и заострились длинными иголками.

Видя, что он разомкнул губы, чтобы что-то сказать, я подалась вперед и впиалась в них. Он ответил, от неожиданности, наверное. Я закрепила свой успех, прильнув к нему всем телом. Он рвано выдохнул, и, подхватив меня, через секунду притиснул к ближайшей стене, которая оказалась на редкость теплой. Я тихонько застонала, и он отстранился, обеспокоенно глядя на меня. Но я не собиралась так быстро сдаваться и снова притянула его к себе. Он, поняв, что от меня так просто не отделаться, что-то нажал за моей спиной, с потолка перестала литься вода, и со всех сторон стал дуть теплый воздух, высушивая комнату и нас.

— Не отступишься? — Хрипло спросил мужчина, подхватывая меня на руки. Я отрицательно помотала головой. — Слабовольный я какой-то, — добавил он.

Токарев открыл дверь и понес меня в комнату. Положил на кровать. И да, сделал мне хорошо. Так хорошо, как до этого никто не делал. Что-то рано записала я его в несостоятельного любовника, так как сейчас мне представили совсем другую версию мужчины в этом плане. Нежную, терпеливую, чуткую. Ммм.

Через некоторое время, когда я лениво лежала на подушке и перебирала волосы притулившегося подмышкой Токарева, раздался звонок телефона. Моего.

Я протянула руку и нащупала аппарат на тумбочке.

— Аль, а через сколько нужно ехать в больницу, после начала схваток? — Ленка чем-то шуршала на заднем фоне. — Вадь, да прекрати ты носиться. Сейчас твоя скорая приедет. — Это не мне. — Аль, ты меня слышишь?

— Слышу. — Мда, у Коробовых как всегда очень насыщенная жизнь. — Лен, ты никак рожать собралась?

— Я-то собралась, а вот у муженька, похоже, по зиме какая-то душевная болезнь обострилась. Маниакальный психоз называется. О, Паша пришел. — На заднем плане, что то сбрыкало. И Ленка не удержала тяжелого вздоха. — Ну, все, успокоился.

Я встревоженно подскочила:

— Лен, только не говори, что Коробов Пашку пристукнул?

Та как-то нервно рассмеялась.

— Нет. Это я Павла заставила Коробову снотворное вколоть. Пусть спокойно поспит,

пока я рожая. Ой. Все, скорая приехала. Как рожу, отзвонюсь.

— Легких родов, — успела пожелать я и посмотрела на Костю, с блаженной улыбкой развалившегося на кровати. Как же мало мужикам для счастья нужно.

Через четыре часа позвонила Ленка, сказав, что родила девочку, три семьсот, пятьдесят три сантиметра. Вадим только что проснулся и, не обращая на жену внимания, сейчас таскает маленький сверток по палате и тихо сюсюкается. Я рассмеялась от образа сюсюкающего Коробова, от имени которого полгорода трясти начинается.

Через неделю мне стало не так весело. Меня стало тошнить буквально от всего: еды, воды, Токаревского парфюма, выхлопных газов на улице, куда меня мой мужчина регулярно стал вытаскивать, посидеть на лавочке. Ага, это зимой то.

Еще через два дня, я заставила Костю купить тест на беременность, который оказался положительным. Так что Новый год я встретила с диагнозом вторая степень токсикоза, как и планировала. В смысле планировала беременность, а не токсикоз. От новогодних деликатесов пришлось отказаться. Правда к этому времени ко мне ежедневно приезжала Ирина и ставила капельницы, очищающие организм от токсинов. Стало легче.

А еще появился дикий страх, что во время моего лечения после аварии, ребенок мог развиваться не так, как нужно. Костя успокаивал, как мог? Но пока это не сильно помогало. Умом я понимала, что врачи тогда сделали все, чтобы не навредить. Да и сама я еще молодая и здоровая практически, но из подсознания страхи никуда не хотели уходить.

А еще я подсознательно стала переживать за Костю. Работа у него опасная, да и Коробов не зайка пушистый. В итоге, Токарев, видя мои дерганья, таки ушел из службы безопасности «Короля клубов» и занялся активным продвижением своего охранного агентства. И я потихоньку вернулась на работу в клинику, пока не на полный рабочий день, но все же, мне стало легче, от того, что я не сижу весь день дома, а приношу пользу обществу. И да, я наконец-то с радостью уселась за руль своей новой машины.

Токарев со свадьбой решил не заморачиваться, а мне было наплевать на официальные статусы. Поэтому он просто принес домой документы, где я поставила свою подпись, и на следующий день свидетельство о браке и справку, что теперь я ношу гордую фамилию Токарева, а не Самойлова.

А еще в начале февраля, на китайский новый год, лежа на диване, и глядя по волосам уткнувшегося мне в живот Костю, я поняла, что люблю этого брутального, удивительного, ласкового и нежного мужчину. И не просто люблю, он стал для меня всем тем, чего мне не хватало всю мою сознательную жизнь. Поддержкой. Опорой. Неизменной величиной моей жизни. И на этот новый год моим диагнозом стала любовь. Ну и пусть, что новый год китайский. Главное любовь настоящая.

Через два года

— Тетяля, Тетяля, — ко мне со всех ног неслась моя крестница. — Тетяля. Мня Лешик за вовосы хватил и пожевал их. — Мне под нос был сунут облизанный кончик косички, а по коридору иже были слышны шлепки босых ног сына. Я хотела успокоить ребенка, но тут в замке повернулся ключ и Марго, отскочив от меня, помчалась в коридор с криками:

— Ура, мама приехала.

Я облегченно выдохнула, потому как пока не готова была психологически к двум детям. Мне и вечно везде лезущего Лешика за глаза хватает. Услышав радостные возгласы, я поспешила в прихожую, прихватив по пути сына, с упоением отдиравшего кусок обоев со стены. Ленка же радостно наобнимавшись с дочерью, попеняв на заболевшую няню, быстренько собрала ребенка, и они вместе поспешили к главе семейства, ожидавшему в машине. Мы с сыном понимающе переглянулись.

Да, вопреки моим страхам, Токарев Алексей Константинович родился здоровым и очень активным. Первые полгода мы с Костей и спали то попеременно, но усталость не шла ни в какое сравнение с радостью, которую дарил нам этот неисчерпаемый источник активности. Лешик был похож одновременно на нас обоих: папины глаза и мамины волосы, папины губы и мамин нос. Только характер ему достался не иначе, как от маленькой Марго Коробовой. У них даже мимика была один в один.

Я, вздохнув, посмотрела на часы. Скоро приедет папа и будем собирать искусственную елку к новому году, наряжать ее и прятать под зеленой красавицей заранее купленные игрушки.

Мой подарок Косте уже припрятан в шкафу: очередная редкая статуэтка грустного кота, к собирательству которых он пристрастился в последнее время. Под это дело была даже выделена комната, куда не допускался Лешик. А еще плавки для бассейна с улыбающейся усатой мордочкой на причинном месте. Я таки затащила его в бассейн, но первое время он очень страдал из-за... Нет не из-за боязни утонуть, а из-за того, что плавать в возбужденном состоянии очень неудобно. Это моя личная терапия принесла такие плоды, в виде странного побочного эффекта.

А еще я знаю, что утром первого января я найду под подушкой письмо от любимого мужа, сопящего рядом, где будет много нежностей и признаний. И Постскриптом:

«Новогодний диагноз: Люблю тебя с каждым годом сильнее».

Больше книг на сайте - Knigolub.net